

Н. К. ШИЛЬДЕР

**Император Александр Первый,
его жизнь и царствование**

<Фрагмент>

<...> Еще во время эрфуртского свидания император Александр обратился однажды к Сперанскому с вопросом: «Как нравится тебе за границей?» — Сперанский отвечал: «У нас люди лучше, но здесь лучше установления». — «Это и моя мысль, — продолжал государь, — мы еще поговорим об этом с тобою, когда воротимся».

И, действительно, после возвращения в Петербург, Александр, несмотря на возрастающее бремя забот по внешней политике, начал занимать Сперанского предметами, касавшимися высшего управления государства. Сперанский, наследовав, после увольнения в отпуск Новосильцова, все личные доклады у государя, занял вместе с тем с 16 декабря 1808 года место товарища министра юстиции, главным образом для занятий в комиссии составления законов. Вскоре не только все законодательство, но почти и все высшее управление сосредоточились в его руках. Доверие государя не было обмануто: Сперанский явился даровитым и красноречивым выразителем тайных стремлений Александра. Молодому статс-секретарю нетрудно было встретиться в видах и желаниях с императором, который со своей стороны искал только оружия и средств для осуществления своих давнишних либеральных и преобразовательных намерений. Сперанский с организаторским своим умом, умевшим представлять все трудности легкими, с многосторонними знаниями, с обаятельным красноречием, и одаренный притом способностью работать быстро и не зная усталости, был именно таким человеком, которого доселе тщетно искал Александр для осуществления своих преобразовательных планов. Если князь Чарторижский определил значение Новосильцова следующими словами: “L’Empereur trouvait en lui un instrument qui savait donner une forme russe à ses désirs européens” («Император находил в нем инструмент, который умел придавать русскую форму

его европейским желанием»), то эта оценка с еще большим основанием должна быть применена к Сперанскому. Несомненно, что он один был способен стать деятельным орудием замышлявшихся преобразований. Без преувеличения можно сказать, что с тех пор в истории нашего управления не появлялось такого ума. «В деле опыта он был по крайней мере знаком с центральным управлением и хорошо изведal его недостатки; в деле мысли — он брал огромный перевес над своими современниками в привычке к труду и в более серьезном образовании. Находясь, по происхождению, в близком отношении к низшим классам, он, сверх того, приносил с собою инстинкт человека, не чуждого народу и горячо сочувствующего его нуждам и потребностям». Современный ему русский порядок представлялся Сперанскому совершенной политической бессмыслицей, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, заменив новым порядком, построенным на правилах логики. “Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap” («Надо резать по живому, без всякого стеснения»), — любил говорить смелый реформатор в пылу своих преобразовательных работ, начавшихся после эрфуртского путешествия.

По мере сближения с Сперанским император Александр коснулся, конечно, в разговорах не покидавшей его мысли даровать России «внутреннее политическое бытие». Вручив ему вышеупомянутый проект Новосильцова и Чарторижского, государь нередко проводил с своим статс-секретарем целые вечера в чтении разных сочинений, к этому предмету относившихся. «Из всех сих упражнений, — писал впоследствии Александру Сперанский из пермской ссылки, — из сто кратных, может быть, разговоров и рассуждений вашему величеству надлежало наконец составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 года занимавшим ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы».

«Сила всех предложенных преобразований в том состояла, — писал Сперанский в другой записке, — чтоб постановить управление империи на непременимом законе и дать России внутреннее политическое бытие, а с сею целью определить прежде всего разум коренных государственных законов, т. е. начертать план конституции».

Вот, следовательно, в чем состояла задача, которую по высочайшей воле предложено было решить Сперанскому. Таким образом, оказы-

вается, что мысль о подобной коренной реформе русского государственного управления исходила от самого самодержца, без всякого внешнего влияния или понуждения: явление беспримерное и, можно сказать, единственное в истории. Касаясь этого обстоятельства в одной из своих записок, Сперанский говорит: «Конституции во всех почти государствах устроены были в разные времена отрывками и по большей части среди жестоких политических бурь. Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое существование своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы».

Обширная работа, порученная Сперанскому, созревала в мыслях и под пером его с изумительной быстротой; он работал с неистовством, сидя за своим письменным столом по восемнадцать часов в день. Поэтому неудивительно, что уже в октябре 1809 года план всеобщего государственного образования лежал на столе императора Александра. Сущность плана государственного образования Сперанского заключалась в том, что к участию в законодательстве, суде и управлении должно было допустить народных представителей. В основании этого представительства положено было землевладение. Порядок законодательный должен был иметь четыре степени. Первая степень представительства — волостная дума, вторая — окружная (т. е. уездная) дума, третья — губернская дума и четвертая — государственная дума.

В порядке судном предполагалось учредить четыре степени: волостной суд, окружной суд, губернский суд и верховный суд под именем Судебного Сената. В порядке исполнительном Сперанский тоже останавливался на четырех главных подразделениях, а именно на управлениях: волостном, окружном, губернском и государственном или министерстве. Для предварительного рассмотрения законов, уставов и учреждений «в первообразных их начертаниях» учреждался Государственный совет.

К этому обширному зданию государственных установлений или сословий Сперанский присоединил еще одно учреждение, в которое должны были стекаться высшие дела государственные, получая здесь «верховное свое совершение»: Кабинет. Кроме того, Правительствующий Сенат, независимо от Судебного Сената, должен был заменить учрежденный в 1802 году комитет министров.

Весь октябрь и ноябрь 1809 года прошли в ежедневном почти рассмотрении государственного уложения Сперанского; сделаны были многие поправки и дополнения, и наконец государь положил приводить его в действие. Но если Сперанский отличался смелостью

в замышляемых реформах, то должно отдать справедливость осторожности, с которою он намеревался приступить к их осуществлению. Он сознавал опасность переменить все вдруг, основываясь на одной теории, и сумел обуздать до некоторой степени свою нетерпеливость видеть скорее все совершенным. Когда последовало повеление приступить к исполнению плана, Сперанский подал императору Александру новую записку, в которой, донося, что приступил уже к окончательному изложению всех частей плана, представлял, однако же, о необходимости, до окончания этой работы, определить порядок, которым все предназначенные установления должны быть приводимы в действие.

«Существенные правила вводного порядка, — писал Сперанский государю, — должны состоять в том, чтоб не терять времени, но избегать всякой торопливости; каждое установление открывать не прежде, как все образование его будет изготовлено, и наконец переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, ежели бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия». Соображаясь с этими правилами, Сперанский предлагал всем частям представленного проекта преобразований назначить следующий порядок:

«I. Из числа четырех государственных установлений прежде всего устроить и отбыть Государственный Совет, потому:

1) что Совет есть средоточие, которое должно утвердить первое;
2) что открытие Совета в новом его устройстве не предполагает никаких трудных приготовлений;

3) что если б устройство Совета и не входило в план общего преобразования, то необходимо бы нужно было его расширить и дать ему публичные формы по двум следующим, нетерпящим отлагательства обстоятельствам:

а) положение наших финансов требует непременно новых и весьма нарочитых налогов, без чего никак и ни к чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывают особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому с очевидностью и подробностью доказать их необходимость. Следовательно, очевидность сию должно заменить убеждением в том, что не действием одного произвола, но точно необходимостью, признанною и предоставленною от Совета, налагаются налоги. Таким образом, власть державная сохранит к себе всю целостность народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она оградит себя от всех неправых нареканий, заградит уста злонамеренности

и злословию, и самые налоги не будут казаться столь тягостными с той минуты, как будут признаны необходимыми;

б) смешение в Сенате дел управления и суда дошло уже до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры исправления, а меры сии во всех предположениях не могут быть иначе приняты, как отделением части управления и назначением ей особенного порядка».

«Предлогами к преобразованию Совета весьма естественно могут быть приняты: 1) рассмотрение гражданского уложения, к совершению коего после тщетных во все царствования, начиная с Петра Великого, попыток, теперь настало время, и 2) финансы, скрывать затруднение коих есть верный способ умножать запутанность и питать беспокойство».

«Время открытия Совета можно назначить 1 января 1810 года. Органические его законы в том самом порядке, в каком они в свое время войдут в состав государственного уложения, должны быть к 15 декабря не только изготовлены, но совершенно рассмотрены и решены. Последние две недели определятся на окончательное избрание разных чинов, к устройству сему принадлежащих. При открытии в Совет внесутся гражданское уложение и план финансов. Следуя установленному порядку, он передает их в свои департаменты, и таким образом, два департамента — Законов и Экономии — тотчас воспримут свое действие, а два остальные департамента отсрочатся на две недели, чтоб дать время пересмотреть дела без торопливости. Через две недели и общие собрания Совета должны воспринять свое действие. Из департамента Законов внесутся туда первые рассмотренные главы гражданского уложения, а из департамента Экономии рассмотренный план финансов. Последний должен быть решен к концу января и окончен манифестом. Дальнейшие занятия Совета состоять будут: 1) в продолжении рассмотрения гражданского уложения; 2) в постепенном устройстве одного из остальных трех государственных установлений, а именно порядка исполнительного, т. е. общего плана министерств, общего министерского наказа, частных образований каждого министерства и учреждения о управлении губерний; 3) в разрешении дел, кои поступать будут из департаментов Совета».

«II. Вместе с открытием Совета наименовать министерство финансов и казначейства, кои с 1 января и должны вступить в свои звания. Доколе в Совете рассматриваться будет план финансов, что продолжится месяц, они будут иметь время сделать все главные распорядки по плану, который им за шесть недель будет уже известен».

«III. В то же время, т. е. с 1 февраля, открыть и министерство полиции и присоединить коммерцию к делам внутренним. Сии части

в течение января также легко переместиться могут, тем более что для первоначального образования министерства полиции есть уже готовая экспедиция (в министерстве внутренних дел), а министерство коммерции по делам его столь мало нужно, что и перемещать нечего».

«IV. Вместе с сим и в течение того же января дела 1-го департамента Сената разместить по министерствам, 2-му дать наименование 1-го и т. д.».

«V. Вместе с сим наименовать канцлера юстиции, поручив ему на первый раз в общих выражениях главный надзор за судебною частью».

«VI. Можно бы даже было и учебную часть поручить главному директору, а министру сделать некоторое вознаграждение».

«Все сии распоряжения, — продолжал Сперанский, — включатся в состав общего манифеста об учреждении Совета. С 1 февраля Совет со всеми его установлениями и первоначальное устройство министерств войдут в полное их действие, и, утвердись таким образом в средоточии, можно уже будет с надежностью поступить далее, а именно: 1) образование исполнительной части как в министерствах, так и во всех ее разрядах, должно быть совершенно кончено к маю месяцу; 2) к сему же времени будет рассмотрено в Совете гражданское уложение; 3) государственное уложение в течение четырех месяцев не только будет составлено, но и во всех частях успеет быть рассмотрено: следовательно, с 1 мая можно положить первые начала его введению; 4) для сего манифестом, сообразным тому, какой издан был в 1766 году, назначить выбор депутатов из всех состояний, взяв предлогом издание гражданского уложения; 5) срок собрания определить на 15 августа, наименовать его государственной думой и назначить срок ее продолжения; 6) для рассмотрения депутатских наказов, как то и прежде было, наименовать канцлера государственной думы, кому и предъявят депутаты свои полномочия; на рассмотрение их определить две недели; 7) в первый день сентября, новый год по старому русскому летосчислению, — открыть государственную думу со всеми приличными обрядами; 8) действие ее начнется гражданскими законами; 9) между тем распоряжения депутатов будут надлежащим образом испытываемы и приуготовляемы; если не встретится каких либо непреодолимых препятствий, то с Божиею помощью предложится государственное уложение; 10) принятие его утверждено будет общей присягой; 11) с сего времени государственная дума восприимет предназначенное ей в порядке государственных установлений место; 12) за сим образуется и судная часть, и Сенат станет также в порядке государственных сословий». «Если Бог благословит все сии начинания, — заключил Сперанский свою записку, — то в 1811 году, к концу

десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится».

Но Бог не благословил. Все казалось решенным, законченным, и только чтобы еще более обеспечить успех выработанного преобразования, назначались для исполнения сроки, избранные усмотрением самого Сперанского. И что же? Важнейшие части плана Сперанского никогда не были приведены в исполнение; осуществилось лишь то, что сам он считал вне прямой связи с задуманными реформами. «Все прочее осталось только на бумаге, — говорит биограф Сперанского, — и даже исчезло из памяти людей, как стертый временем очерк смелого карандаша». Намерения Александра изменились, государственное уложение осталось одним сокровенным планом, творцу его пришлось многие годы провести в ссылке, а Россия сохранила и донныне сохраняет прежнее свое бытие.

